

нам не позволяет сказать наше чувство гражданской ответственности!».

— А вообще правомерно сегодня говорить о гражданской позиции журналиста?

— Конечно, каждый журналист должен стараться максимально расширять границы гласности, информировать зрителя обо всем спектре существования общества. Я считаю, что надо делать свое дело, пока это возможно. Как станет невозможно — пусть меня уберут из эфира. В жизни можно много чем заниматься. По образованию я историк, вспомню об этом.

Но на самом деле я оптимист. Мне кажется, что обратно историю не вернуть. Как зубную пасту, которую выдавали из тюбика, обратно в тюбик никак не засунешь. Уже не те времена. В эпоху компьютеров и интернета свобода слова все равно сохранится и будет развиваться. Если исходить из того, что у нас кто-то строит управляемую демократию, просвещенный тоталитаризм, то для любого умного человека необходимой частью должен быть либеральный телеканал. Чтобы была хотя бы видимость демократии. А нам не важно, видимость это или нет, — лишь бы была возможность работать. Думаю, наверху это понимают и не будут все уничтожать под корень.

— Но в условиях управляемой демократии телевидение становится инструментом.

— Все дело в степени. Управляемая демократия воплощает некую витрину, обращенную во внешний мир, в которой должна сиять хорошая продукция государства. И телевизионный товар — тоже. И я надеюсь, что мы будем оставаться этой витриной, которую не будут разбивать, чтобы страну и режим уважал внешний мир. В современном мире нет необходимости контролировать все, к тому же это нереально. Достаточно иметь господствующие позиции на основных каналах, которые смотрит подавляющее большинство людей. И тогда можно сохранять ниши для других слоев, где можно выпускать пар.

— Значит, все-таки можно сегодня говорить о независимости СМИ?

— Можно говорить о значительной доле независимости некоторой части СМИ! Но мне кажется, в этих рамках надо стараться максимально полно и правдиво говорить людям о том, что происходит. И если не совсем обо всем можно сказать в нынешних общественных условиях, то слава богу, что не заставляют говорить о чем-то.

А вообще, я живу сегодняшним днем. Жизнь давно приучила — после всех событий и приключений с ТВ-6 и ТВС живу по принципу «мертвому пожар не страшен».

— Скучаете по ТВС?

— Конечно. Это было очень хорошее время и команда... Мы периодически встречаемся, вспоминаем... Но это закон развития природы — рождение, развитие, зрелость, упадок. Обычно компания существует 10 — 15 лет, потом наступает упадок и должно возникнуть что-то новое. Нельзя же все время только расти. Видимо, на ТВС предел роста был достигнут...

Надежда ПРУСЕНКОВА

Архив «Новой»

Думские выборы и предшествующее им телевизионное шоу под названием «предвыборная гонка» закончились. Итоги всем известны. Но вскоре нас ждет еще одно развлечение — предвыборная президентская кампания, хотя исход ее известен заранее.

«Новая газета» продолжает серию бесед с ведущими политических программ, которые во многом определяют политическое лицо страны. Новости — один из основных политических инструментов телевидения.

Мой собеседник — ведущий программы «Сегодня» на канале НТВ Михаил ОСОКИН...

— Сейчас принято ругать правых, что они не воспользовались административным ресурсом. Как вы считаете, исход выборов был очевиден?

— Пожалуй, нет. Я все-таки рассчитывал, что правые получат больше, чем они получили. Для меня лично это было неожиданностью. Я думаю, с помощью хитрых комбинаций правых переиграли кремлевские политтехнологи. Но это игра. В данной ситуации кто умней — тот и выигрывает. Я не вижу серьезного административного давления, потому что была представлена трибуна, были рекламные ролики. А в них люди увидели шикарный самолет, я думаю, это тоже

чит, большинство не хотели видеть, им не нравилось.

— Но, по данным социологов, как раз НТВ уделяло «Единой России» больше времени, чем все остальные.

— Не знаю, я не могу так сказать. Лично я ни разу не показал Грызлова. Может быть, это даже неправильно, потому что были события, где он присутствовал, — например совещание МВД. Но, видя, что это показывали госканалы, я не давал эту новость. Честно вам говорю, что в моих выпусках Грызлова не было. Несколько раз показали съезд «Единой России», но это потому, что было очень смешно.

— Президентская кампания началась. И во всех ново-

Михаил ОСОКИН:

Мы несколько раз показали съезд «Единой России» — потому что было очень смешно

Телевидимость демократии

сыграло против правых. И то, что они никак не могли объединиться. Но я не думал, что это будет так катастрофично. Даже не объединяясь раньше, они получали по пять процентов голосов. Видимо, что-то поменялось в обществе и в сознании людей, и мы имеем ту Думу, которую заслуживаем.

— По мнению западных специалистов, количество голосов было прямо пропорционально эфирному времени; партии получили столько процентов, сколько их показывали по телевидению.

— Я бы не стал преувеличивать роль телевидения. Конечно, я не говорю о государственных каналах, где Грызлов присутствовал во всех сюжетах вплоть до победы. Но ведь можно было смотреть другие каналы. Например, НТВ. У нас были теледебаты, где правые могли выступать и говорить все, что они хотели. Все это было в эфире, и люди могли это видеть. Зна-

стях первые три новости ста-

— Если так судить, то она и не прекращалась с 2000 года, потому что он постоянно присутствует в новостях. Но опять-таки мы говорим об определенных каналах. Вы ведь не скажете, что на НТВ президент постоянно в первых трех новостях. Бывает, что вообще не присутствует. Например, позавчера в выпуске не было, хотя у него были какие-то встречи, которые на других каналах — на первом месте. А у нас решили, что недостаточно содержательной информации.

— Кто сейчас решает, что показывать в новостях, а что нет? Иногда смотришь новости, первые три — из-за рубежа, как будто в России ничего не происходит...

— Обычно главные новости определяет сам ведущий выпуска. Так на НТВ было построено с самого начала. Что до новостей из-за рубежа — это смотря какие события. Если начинается суд по делу русского банкира Конаныхи-

на — мы это ставим первой новостью. Вообще, мы достаточно редко ставим международные события на первое место. Но вот сегодня поставим — суд над Джексоном, мировое событие. Все-таки обычно стараемся начинать с того, что интересует людей и, как это ни грустно, с того,

— Были прецеденты, когда вам запрещали ставить какую-то новость?

— Не то чтобы буквально запрещали. Естественно, как и на каждом канале, у нас есть свои правила и свои ограничения. Но, слава богу, их немного. Пожалуй, единственное

эпоха (смеется), а сейчас все обмельчало. Мы отражаем только то, что происходит.

— Ваш фирменный стиль — заканчивать выпуск «легким» сюжетом, снимающим напряжение. Последнее время многие каналы переняли вашу «фишку». Это потому, что жизнь стала веселее или забавными сюжетами заменяют главные события?

— Я вообще считаю, что количество позитивных сюжетов нужно увеличивать; другое дело, что не всегда жизнь позволяет это делать. Главное — ничего не придумывать. Я бы не сказал, что поводов стало больше — их всегда много: все время что-то происходит, и можно найти что-то действительно хорошее и интересное.

И я думаю, что буду продолжать рассказывать что-то такое — несмотря на появление конкурентов. Кстати, на днях последняя новость была о том, что выпустили торт с изображением Путина. Пришлось закончить сюжет словами: «Что произошло с тортом дальше,

место, где не было никаких ограничений, — это ТВС.

— Но раньше — это не только мое мнение — и вода была мокрее, и новости на НТВ острее.

— Мне так не кажется. Может быть, сама жизнь стала более скучной. Раньше были битвы олигархов, походы президента против коммунистов — это была сага, была великая

Живу по принципу «мертвому пожар не страшен»

что пугает. Чаше всего это теракты. Как говорят циничные американцы: «Лучшие новости — плохие новости, они лучше всего продаются». А Феллини говорил, что телевидение — это когда одни люди смотрят, как плохо другим людям. Но говоря о теракте, мы несем полезную функцию — мы учим людей бдительности.